

ЛИСАВЕТА
ЧЕЛИЩЕВА

18+

РВАННЫЙ

рутин

Лисавета Челищева

Рваный ритм

«Автор»

2026

Челищева Л.

Рванный ритм / Л. Челищева — «Автор», 2026

Она потеряла всё: любимого, мечту танцевать и веру в себя. Теперь её мир — это пыльный книжный магазин, где она прячется от прошлого за чужими историями. Он не ищет отношений. У него опасный бизнес, холодный рассудок и полное нежелание впускать кого-то в свою жизнь. Но случайная встреча с болтливой продавщицей выбивает его из колеи, и он не может перестать о ней думать. Их тянет друг к другу с опасной силой, но у каждого есть то, что они скрывают. И его тайна способна уничтожить её заново.

© Челищева Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Рванный ритм

Глава 1

Раньше я думала, что дом — это место силы. Приходить домой было лучшим, что могло случиться за день.

Звуки маминого смеха на кухне, папины дурацкие шутки, запах чего-то вкусного... Это было моим личным раем все детство. Никогда в жизни не думала, что однажды я буду затыкать уши подушкой, потому что за стеной ор и грохот бьющейся посуды станут моей реальностью.

Я вжимаю подушку в уши сильнее, когда очередная тарелка — кажется, из того самого сервиза, что покупали к маминому сорокалетию бабушка с дедушкой — разлетается вдребезги о стену.

Я плачу. Каждый раз плачу, сколько бы это ни повторялось.

И дело даже не в том, что мне страшно.

Дело в том, что это всё из-за меня. Вся эта хрень — моя вина.

Два года назад всё было по-другому. Два года назад я не ненавидела собственный дом.

Шаги в коридоре. Тяжелые, пьяные, мамини.

Я быстро вытираю лицо, шмыгаю носом и часто-часто моргаю, чтобы хоть немного снять красноту.

Дверь открывается, и она вваливается внутрь, цепляясь за косяк. Я вскакиваю с кровати и подхватываю маму под руки. Моя комната — единственное место, которое они ещё не разнесли. Я не хочу, чтобы оно разделило судьбу кухни. Поэтому я держу здесь всё: свои тарелки, свои любимые чашки, свои книги. Всё, что можно разбить, я прячу в ящиках комода. Потому что на кухне ничего целого не остаётся.

— Мам, держись, — тяну я её, пытаюсь удержать этот пьяный кулёк.

Она хватается за волосы, чтобы не упасть, и я закусываю губу, чтобы не заорать. Она не специально. Просто не контролирует себя.

— Алина, — мычит она, едва ворочая языком. — У нас выпивка закончилась.

Сердце падает в пятки. А я-то, дура, надеялась, что она просто пришла обнять меня.

— Хорошо, мам, — шепчу я, усаживая её на край кровати. — Просто посиди тут.

— Сгоняй в круглосуточный, — она пытается улыбнуться, но выходит криво и страшно.

— Купи нам с отцом.

Я поправляю спортивные штаны и убираю волосы с её лица. Ненавижу этот город. Ненавижу эти чёртовы круглосуточные магазины на каждом углу. Ненавижу, что купить бутылку можно в любое время дня и ночи, если доплатить сверху. Мои родители это обожают.

— Мам, мне не пропадут, — напоминаю я тихо. — Уже за полночь.

— Продадут! — рявкает отец из коридора, и я подпрыгиваю на месте.

Он стоит в дверях, набычившись, и смотрит так, что хочется провалиться сквозь пол.

— А если нет, пап? — мямлю я, нервно теребя край футболки.

— Иди к Михалычу, — цедит он сквозь зубы. — Он продаст. Ему плевать.

Я смотрю то на него, то на маму.

— Я не знаю, где живёт этот Михалыч, — почти шепчу я.

Папа со всей дури бьет кулаком по дверному косяку. Я вздрагиваю так, что, кажется, зубы лязгают.

Он не монстр. Я это знаю. Когда он трезвый, это совсем другой человек. Но когда он пьяный — он превращается в монстра.

— На Проспекте Ветеранов, за мясным магазином, — цедит он. — Ты знаешь. Иди.

Я сию, вжав голову в плечи, и молюсь, чтобы он просто отстал.

— Или мне прийти с ремнем? — голос отца звучит так, что в горле пересыхает, а тело подчиняется раньше, чем мозг успевает осознать приказ.

Я срываюсь с места, не глядя на него. Потому что знаю: если он встанет сам — будет хуже. Я не хочу проверять, что значит «хуже» сегодня. Но это же только когда он пьёт. Только когда он пьяный. Трезвый он бы никогда...

Натягиваю толстовку, зашнуровываю кеды. Отец суёт мне хрустящую тысячную купюру в карман куртки.

— Будь осторожна, доча, — доносится мамин голос из моей комнаты, когда я выхожу в коридор.

Проверяю телефон. 22:38.

Спускаюсь по лестнице, перешагиваю через осколки на кухне. Потом уберу. Когда вернусь.

Беру ключи от маминой старой «Лады» — убитой, дребезжащей, но любимой. Выskalываю на улицу.

Сажусь за руль. Глубокий вдох. Выдох. Ритуал перед каждой поездкой. Я ненавижу водить. У меня от этого почти сердечный приступ каждый раз. Но пассажирское сиденье — хуже. С пассажирским сиденьем у меня связаны другие воспоминания.

Я прикрываю глаза, мысленно переносясь в болезненные воспоминания.

— Алинка, хочешь мороженого? — он поворачивает ко мне голову. Правая рука лениво лежит на руле.

Я улыбаюсь ему в ответ. Он знает, как я люблю это дурацкое клубничное мороженое.

— Глупый вопрос, — качаю головой и улыбаюсь ещё шире.

Он сдвигает затемненные очки на нос и смотрит на меня поверх них. У него такие тёплые карие глаза.

— Ты сумасшедшая.

— Только не говори, что ты это только что понял.

Трясу головой, прогоняя видение. Щипаю себя за руку, возвращаясь в реальность.

Паркуюсь у торгового центра. Днём здесь жизнь кипит — люди ходят, улыбаются, таскают пакеты из «Ленты». Но ночью всё вымирает. Только редкие фонари горят тусклым светом, и вокруг слишком темно для моего спокойствия.

Я никогда не любила темноту.

Вылезаю из машины, обхватываю себя руками. Иду медленно — я всегда хожу медленно, с детства.

Позади слышен смех. Громкий, пьяный, компанейский. У меня сердце уходит в пятки. Когда магазины закрываются, здесь начинается молодежный движ. Бары, клубы, всё такое.

Из-за моей черепашьей скорости группа быстро меня нагоняет. Сердце почти успокаивается, когда они проходят мимо, даже не взглянув на меня. Спасибо и на этом.

Их всего пятеро. Две девчонки, три парня. Идут себе, ржут. Я смотрю им вслед. Они явно друзья. Или просто очень хорошо нажрались, чтобы стать ими на эту ночь. Но мне нравится думать, что они друзья. Что они знают друг друга с детства, ходили в один садик, потом в школу, а теперь, когда им уже за двадцать, встретились, чтобы вспомнить былое.

Я улыбаюсь, но стало как-то грустно. Потому что у меня друзей нет. Вообще. Мои друзья — это подушка, одеяло, любовные романы, которые я перечитывала по десять раз, и дядя Петя из букинистического кафе на Садовой. Ему под семьдесят, он глуховат на одно ухо, и это идеальный вариант, потому что он не слышит половины моей болтовни. Но он добрый. Он всегда был добрым ко мне. Даже когда родители ещё не пили.

Конечно, я хочу нормальных друзей. Живых. Которые будут со мной тусоваться и переписываться в мессенджерах.

Я пыталась. Но в школе — не вписалась. Во взрослой жизни — тем более.

Я не знаю, где моё место. Такое чувство, что я стою на пороге, вот-вот сделаю шаг, и меня кто-то дёргает назад.

Наверное, дело во мне. Я слишком много болтаю. Это с детства. Когда нервничаю — вообще молчать не могу.

Но дядя Петя не жалуется. Он просто подставляет мне своё глухое ухо, и я тарыхчу весь вечер рядом с ним за чашкой чая.

Грохот банки об асфальт выбивает меня из мыслей. Та же компания стоит над чем-то впереди. Один выливает остатки пива на это «что-то». Другой пинает. У меня сердце сжимается. Я не вижу, что там, но это явно что-то живое. Или кто-то.

Они заканчивают так же быстро, как начали, и уходят, гогоча, как ни в чём не бывало.

Я ускоряю шаг. Подхожу ближе к тому месту — и зажимаю рот рукой.

На обочине сидит старый бомж. Собирает свои пожитки, которые разлетелись по асфальту. Заметив меня, он вжимается спиной в стену, в глазах — животный страх.

— Доченька, — трясутся его губы, — я ничего... я не хочу проблем...

— Да что Вы! — говорю я как можно мягче. — Я Вам ничего плохого не сделаю!

Но он всё равно боится. У меня сердце разрывается.

Я медленно приседаю на корточки рядом с ним и начинаю собирать его пожитки — тряпки, какие-то пакеты, картонки.

— Они Вас не сильно задели? — спрашиваю осторожно.

— Я в порядке, спасибо, — старик улыбается беззубым ртом, и мне хочется плакать.

— Вот... — я лезу в карман толстовки и достаю ту самую тысячу, что дал мне отец. — Возьмите. Купите себе еды. Или куртку потеплее.

Он смотрит на деньги, потом на меня.

— Ты чего это, дочка? — шепчет он. — Ты... зачем это?

— Возьмите, — я сую купюру в его грязную руку. — Пожалуйста. Мне не жалко.

— Спасибо, — он смотрит на деньги, потом на меня, и глаза у него становятся мокрыми. — Спасибо тебе, родная! Дай бог тебе здоровья!!

— И Вам, — улыбаюсь я и встаю. — Берегите себя.

Иду дальше. В кармане пусто, в голове пусто, а на душе — странное тепло.

Да, мне влетит от родителей. Может, даже по-настоящему. Но этот старик сейчас согрется и поест, а мои родители и без этой тысячи найдут, как напиться.

Иду по главной улице. Фонтан в центре площади светится одиноко. Дальше — самая стрёмная часть района. Бары. Клубы. Подозрительные типы с закладками. Днём тут кафешки, миленько так. Ночью — притон. Но другой дороги нет.

Я глубоко вздыхаю и ныряю в эту темноту. Иду, стараясь не смотреть по сторонам, пока не замечаю фигуру на скамейке.

Ещё один бездомный?

Я подхожу ближе. И чем ближе, тем сильнее хочется развернуться. Аллея такая узкая. Темная. Безлюдная. И что самое ужасное — это единственный путь к машине.

Нет. Это точно не очередной бездомный. Я вижу очертания челюсти. Широкие плечи, обтянутые кожаной курткой. Руки, которые явно знают, что такое спортзал. Идеальный профиль, подсвеченный отдаленным фонарем.

Незнакомец вдруг резко поворачивает голову и смотрит прямо на меня. Темно, не разглядеть его лица. Но я чувствую его взгляд. Кожей. И в животе что-то ёкает. Бабочки, что ли? Какие, к чёрту, бабочки, Алина? Ты вообще соображаешь??

— Простите, — выпаливаю я, пока мозг не успел меня остановить. — Я уже ухожу. Вы же не маньяк?

Заткнись, Алина.

Он молчит.

— Не отвечайте, — быстро добавляю я, аккуратно проходя прямо перед ним. — Забудьте.

Он молчит. Просто сидит и смотрит. Или даже не смотрит — уставился куда-то в пространство. Может, он глухой? Или просто игнорит? Или прикидывает, как меня прикончить?

— Извините, — мямлю я и делаю шаг в сторону, пытаюсь не задеть его длинные ноги, которые у него вытянуты.

И как на зло, тут же спотыкаюсь о его ботинок. Ну конечно! Потому что иначе быть и не могло.

Лечу на асфальт, выставив руки, но удар так и не наступает. Меня ловят. Сильные руки, стальная хватка.

— Господи, простите! — тараторю я, выпрямляясь. — Я обычно не такая неуклюжая, честно! Просто тут очень темно, а Вы ногу выставили, ну, не специально, наверное... С Вашей рукой всё в порядке? Вы меня поймали, я, конечно, легкая, но мало ли...

Он молчит. Коротко прочищает горло. Я убираю волосы за ухо и понимаю, что несую полную чушь.

— Простите, я просто хотела сказать, что Вы не похожи на человека, который поставил бы мне подножку.

— ...Ты закончила?

Его голос... Господи, какой у него голос! Низкий, хриловатый, с лёгкой усмешкой.

Я хочу увидеть его лицо. Очень хочу.

— Да! — выдыхаю я. — Закончила.

Он встаёт. Возвышается надо мной, как скала. Мне даже голову приходится задрать.

Незнакомец начинает уходить.

— До свидания! — кричу я максимально быстро.

Он останавливается. Оборачивается. Я вижу только его силуэт, но сердце колотится, как если бы он был рядом.

— Может, сходим как-нибудь... ну, не знаю... за кофе? — несую я, понимая, что это лютая наглость.

Он молчит. Секунду смотрит на меня, потом разворачивается и уходит.

Всё.

Я снова одна.

Что со мной не так? Почему я не могу просто заткнуться и быть нормальной? Да я даже в лицо его не видела!

Я выдыхаю, тру лицо ладонями и плетусь к машине.

В 23:15 нахожу маленькую кофейню в конце улицы. Захожу, сажусь за столик. В голове бардак. Вечер — полный провал.

Я сижу и тупо смотрю в стол. Думаю о том парне. Красивый, наверное... С таким голосом просто не может быть уродом.

— Что будете? — спрашивает уставшая официантка.

— У меня нет денег, — говорю я честно.

Она смотрит на меня как на дуру и уходит.

Я сижу ещё пару минут, потом меня выставляют.

Иду домой и думаю, что скажу отцу. Денег нет. Выпивки нет. Будет весело.

Но в глубине души я всё ещё чувствую руки незнакомца на своей талии. И этот голос...

Он сказал всего три слова. Но я готова была слушать их вечность.

Завтра пойду к дяде Пети. Буду болтать без остановки. Он единственный, кто меня слушает. А этого парня я больше не увижу. Я даже лица его не разглядела. Только силуэт. Только голос. И руки.

Господи, Алина, соберись! Но внутри всё равно щемило от пережитого.

Я та ещё дура. Клинический случай.

Глава 2

Я паркуюсь во дворе и еще секунду сижу в машине, тупо глядя на лобовуху. В «Ладе» холодно, двигатель тихо тикает, остывая, а у меня в ушах до сих пор стоит тот голос. Его.

Вздыхаю, тру ладонями лицо и вылезая из машины. Во дворах темно, фонарь под окнами давно разбили, и я на автомате обхожу стороной темный угол у помойки. Там вечно кто-то тусуется, а настроения объяснять алкашам, что у меня нет мелочи и сигарет, нет ни малейшего.

Наш подъезд (назвать это «парадной» — уж слишком бредово) пахнет кошками и сыростью. Лифт не работает, конечно. Третий этаж я преодолеваю медленно, цепляясь за перила. Эта ночная встреча выбила меня из колеи сильнее, чем хотелось бы. В голове — полный шум. Я даже лица его не видела, а уже напридумывала себе черт знает что. Из-за недостатка любви и внимания?... Возможно.

Останавливаюсь перед дверью квартиры. Изнутри доносится музыка — старый «Сектор Газа», отец его обожает под настроение. Значит, еще не спят. Или уже проснулись.

Щелчок замка — и меня встречает запах перегара, дешевого пива и маминых духов, которыми она пыталась заглушить первый запах. На кухне горит свет, и я вижу их силуэты через новый витраж двери. Оба на ногах. Ждут меня.

— Явилась, — отец не спрашивает, он констатирует с претензией.

Я снимаю кеды и прохожу в коридор. В животе противно ноет, но я заставляю себя держать спину прямо.

— Привет, — говорю максимально ровно. — Я передумала идти к Михалычу.

— В смысле передумала? — мать выныривает из кухни, в руке недопитая банка. Она смотрит на меня мутным взглядом, и у меня сжимается сердце. Красивая же женщина. Была.

— В прямом, — я вешаю ключи на крючок. — Денег нет. Я их отдала.

Тишина в кухне повисает такая, что слышно, как за стеной у соседей работает телевизор.

— Отдала? — отец выходит в коридор, и даже в полумраке видно, как наливаются кровью его глаза. — Кому ты их отдала, интересно?

— Одному бездомному, — пожимаю плечами. — Сидел у магазина, совсем замерз. Я подумала, что куртка ему нужнее, чем очередная бутылка вам.

Я знаю, что это звучит как жесткая провокация. Знаю, что надо было смолчать, придумать что-то про потерянные деньги или закрытый магазин. Но сил врать нет. И сил бояться их — тоже. Я устала.

Папа делает шаг ко мне, и я чувствую, как воздух в коридоре становится холодным.

— Ты охренела? — рычит он. — Мои деньги — бомжам?

— Твои, — соглашаюсь я, глядя ему прямо в глаза, не моргая. — Ты прав. Твои. Ты их заработал. Имеешь право злиться. Просто я решила, что один раз могу распорядиться ими по-своему. Хочешь наказать — наказывай.

Сама не знаю, откуда во мне взялась эта дерзость. Обычно я молчу, вжимаю голову в плечи и терплю все нападки. Но сегодня... Сегодня что-то щелкнуло внутри. Может, тот незнакомец с его голосом. Может, усталость. А может, просто накипело.

Мама сзади что-то мычит, но я не разбираю слов. Папа смотрит на меня так, будто видит впервые. В его глазах полыхает ярость и что-то еще... растерянность? Мне почти становится его жаль.

— Дура, — выдыхает он наконец и, развернувшись, уходит в комнату. Дверь хлопает так, что штукатурка сыплется с косяка.

Я стою в коридоре и медленно выдыхаю. Руки сжаты в кулаки до боли, но внутри — странное облегчение. Я не ударила в ответ. Не убежала. Просто сказала правду.

Мама смотрит на меня, открывает рот, закрывает и тоже уползает в спальню.

Я прохожу на кухню. Осколки на полу, пустые банки на столе, пепел на подоконнике. Картина маслом. Вдыхаю, беру веник и начинаю убирать.

Вчерашний вечер всё ещё отдавался тяжестью в теле, и каждое движение напоминало о том, как сильно я устала от всего этого, но я стараюсь не думать об этом. Думаю о другом. О том, что завтра пойду к дяде Пете. И о том, что, кажется, только что повзрослела еще на пару лет. Разом.

~ НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ~

— Петр Сергеевич, Вы спите?

В книжном на Садовой пахнет пылью, старыми книгами и еще чем-то неуловимо родным. Я захожу с черного хода, как привыкла за два года, и сразу ныряю в лабиринт стеллажей с книгами.

Дядя Петя сидит в своем кресле в углу и дремлет над раскрытым томиком Есенина. У него смешные очки в толстой оправе, и одна дужка замотана синей изолентой.

— ...Алина? — он вздрагивает и просыпается. — Господь с тобой, чего кричишь? Не сплю, конечно. Я думаю.

— Думаете Вы с открытым ртом? — хихикаю я, подходя и чмокая его в морщинистую щеку. — Как Вы тут?

— Как сахар в чае — потихоньку таю, — отмахивается он и снимает очки. — А ты чего такая энергичная? Случилось что?

Я замираю с книгой в руках.

— С чего Вы взяли?

— Я старый, конечно, но не слепой ещё, — он хитро шурится. — Глаза у тебя горят. Влюбилась, что ли?

Я закатываю глаза и начинаю расставлять книги на полке, специально отворачиваясь, чтобы он не видел моего лица. Потому что щеки предательски розовеют.

— Петр Сергеевич, Вы как всегда — фантазируете что-то. Ни в кого я не влюбилась. Просто вчера вечером встретила одного типа... странного.

— О-о. Странного? Это хорошо, — кивает он, явно наслаждаясь нашим разговором. — Странные люди интереснее нормальных. Нормальные — они как пластиковые стаканчики: все на одно лицо. А странные — это винтаж. Рассказывай давай. Кто он?

Я вздыхаю, сажусь на шаткий стул рядом с его креслом и начинаю короткий рассказ. Про темную аллею, про силуэт на скамейке, про то, как врезалась в него, про необыкновенный голос и про то, как он ушел, даже не обернувшись.

Дядя Петя слушает, кивает, иногда покачивает головой.

— И всё? — спрашивает, когда я замолкаю. — Даже лица не разглядела?

— Не разглядела, — признаюсь я. — Но он высокий. И плечи — во!

Я показываю руками, и дядя Петя смеется.

— Ну, Алинка, ты даешь! Влюбиться в голос и плечи. Романтик ты наш.

— Я не влюбилась! — возмущаюсь я, но беззлобно. — Просто... это зацепило. Понимаете? Вы же сами мне говорили — романтизировать свою жизнь, чтобы с ума не сойти. Бывает же такое — вроде ничего особенного, а внутри откликается?

— Бывает, — соглашается он. — Только ты, дочка, смотри. Красивые голоса и широкие плечи — это хорошо. Но жизнь с ними не проживешь, пока человека внутри не познаешь. Ты в душу ему загляни сначала.

Я молчу, переваривая его слова. Дядя Петя всегда говорит просто, но как-то очень правильно.

— Ладно, — встаю и поправляю толстовку. — Все равно я того парня никогда больше не встречу. Чего говорить-то... Пойду я, Петр Сергеевич. Заболталась тут с Вами, а дел невпорот. Вам булочек из Вольчека принести?

— Не, не надо, — отмахивается он. — Иди уже. И помни: никогда не говори никогда. Если этот твой «голос и плечи» все-таки объявится — не теряйся. Подойди. Поговори. Хуже не будет.

— А если будет?

— Значит, не твой человек, — пожимает плечами дядя Петя. — Отсеется сразу.

Я улыбаюсь ему на прощание и выскальзываю из магазина.

На Садовой солнечно, несмотря на конец лета. Люди спешат по делам, кто-то тащит пакеты из «Пятерочки», кто-то ведет за руку ребенка. Я иду не спеша, наслаждаясь редким теплом, и думаю о словах дяди Пети. «Подойди. Поговори». Легко сказать.

Я сворачиваю во двор-колодец, срезая путь к метро. Здесь тише, чем на проспекте, и я позволяю себе замедлиться. Мысли уносятся куда-то далеко, вчерашний вечер прокручивается в голове снова и снова.

Я не сразу замечаю, что иду прямо на кого-то.

— Смотри, куда прешь, — раздается надо мной мужской голос.

Господи.

Нет...

Это же... Тот самый голос!!

Я врезаюсь лбом во что-то твердое. Поднимаю голову — и замираю.

Передо мной стоит ОН.

При свете дня он выглядит еще более... пугающе. Высоченный, широченные плечи, черная куртка расстегнута, под ней простая серая футболка, обтягивающая рельефный торс. Темные волосы растрепаны, в одном ухе пирсинг. И глаза. Черные, глубокие, абсолютно злые. Смотрят так, будто я — пустое место.

Он даже не останавливается. Просто обошел бы меня и пошел дальше, если бы я не встала столбом прямо на его пути.

— Стой! — выпаливаю я, пытаюсь перекрыть его траекторию. — Мы вчера виделись! Ну, не специально, но... Ты сидел на скамейке. В аллее. Помнишь? Я еще предлагала сходить на кофе. Но ты ничего не ответил. Я подумала, может, ты меня вчера не услышал тогда. Мы все-таки стояли далеко. Знаешь, разное бывает...

Он смотрит на меня сверху вниз. Ноль эмоций. Ноль узнавания.

— Ты очень много говоришь.

— Не всегда, — выдыхаю я. — Просто ты говоришь мало. Вчера, кстати, ты ушел, даже не попрощавшись. А сегодня я снова в тебя врезалась. Совпадение? Не думаю.

Он все молчит. Просто смотрит. Как на дуру.

— Тебя как зовут? — не сдаюсь я. — А то неудобно как-то: врезаюсь неоднократно, а имени не знаю.

— Тебе зачем?

— Для общего развития, — пожимаю плечами. — Буду хоть знать, в кого врезаться в следующий раз.

Пауза. Длинная. Неловкая. Он, кажется, даже не собирается отвечать. Просто обходит меня и идет дальше.

Я на секунду зависаю, а потом бросаюсь за ним. Что там говорил дядя Петя? Подойди, поговори, — хуже не будет? Вызов принят.

— Подожди! — я почти бегу, чтобы поравняться с ним. Шаг у него зверский. — Слушай, я понимаю, что ты, судя по всему, не любитель поболтать. Но может, заскочим куда-нибудь?

В ближайшую кофейню, например? В знак примирения за то, что я сегодня в тебя врезалась. И за вчера.

Он останавливается так резко, что я чуть снова не врезаюсь ему в спину. Медленно поворачивается. Смотрит на меня в упор. И в этом взгляде нет ни капли интереса — только холодное раздражение.

— Слушай, — цедит он. — Если я выпью с тобой кофе, ты отстанешь?

Вопрос звучит как пощечина. Ладно... Унижаться, так до последнего. Но я почему-то не обижаюсь на его грубое поведение. Потому что в этом вся суть. Он не притворяется. Он реально хочет, чтобы я исчезла. Но я этого не сделаю. Увы. Я, может, уже люблю, когда меня так прямо отшивают.

— Отстану, — киваю я, невинно глядя ему в глаза. — Честно.

Глава 3

Он изучает меня еще пару секунд. Потом коротко кивает в сторону маленькой кофейни через дорогу.

— Пошли.

И идет туда, даже не проверив, иду ли я следом.

Кофейня маленькая, тесная, пахнет корицей и вкусным кофе. Он садится за столик у окна, закидывает ногу на ногу и утыкается в телефон. Я иду к стойке.

— Ты что будешь? — спрашиваю, оборачиваясь.

— Черный.

— Сахар?

— Без.

— Молоко?

— Сказал же — черный.

Кассирша смотрит на меня с сочувствием. И тут я замечаю на стойке коробку с маркерами и стаканчики. Они тут, как в модных местах, пишут имена на заказах.

И тут меня осеняет.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я, обернувшись к нему. — Для стаканчика надо.

Он даже головы не поднимает от телефона.

— Пусть пишут что угодно.

Кассирша переводит взгляд с меня на него и обратно. Я нагибаюсь к ней поближе и шепчу, почти беззвучно:

— Напишите «Красавчик».

Девушка сдерживает ухмылку, но кивает. Маркером выводит на стаканчике: сначала мой — «Алина», потом его — жирными буквами «Красавчик».

Я расплачиваюсь последней мелочью, что наскребла в кармане, и несу два стаканчика к столику.

Ставлю перед ним его кофе. Он отрывает глаза от телефона, смотрит на стаканчик из-под бровей. Потом переводит взгляд на меня.

— Я не буду из этого пить.

— Почему? — я стараюсь, чтобы голос звучал невинно. — Тебе же черный, без сахара. Всё как просил.

Он молча смотрит на стаканчик. Потом на меня. В этом взгляде — вселенная ледяного презрения.

— Ладно, — вздыхаю я, забирая стаканчик. — Подожди секунду. Я сейчас.

Иду обратно к стойке. Кассирша, увидев меня, уже не скрывает ухмылки.

— Можно мне новый стаканчик? — прошу я. — Только без надписи.

Она кивает, быстренько переливает кофе в новый, чистый стаканчик. Я возвращаюсь и ставлю перед ним.

— Держи.

Он берет стаканчик. Ни спасибо, ни кивка. Просто берет и отворачивается к окну.

Я сажусь напротив.

— Спасибо, — говорю я. — Что согласился.

Он молчит. Листает что-то в интернете.

Как же это унижительно. Сидеть тут, пытаться пробить стену, а в ответ — ноль. Но при этом... Аж еще хочется. Что за мазохизм?

— Ты всегда такой разговорчивый? — не выдерживаю я.

— Всегда.

— И как тебе так живется?

Он медленно переводит взгляд с телефона на меня. Смотрит в упор.

— До тебя было прекрасно.

Я делаю глоток кофе и смотрю на него без стеснения. Он красивый. Очень. Даже когда хамит и игнорирует. Особенно когда хамит и игнорирует. Да что со мной не так?

— Что делаешь? В сетях сидишь? — не сдаюсь я.

— Работаю.

— Кем?

— Никем.

— Круто. А где учатся, чтобы стать никем?

Он кривит губы. Не улыбка — так, тень раздражения.

— Если скажу кем работаю, помолчишь хотя бы пять минут?

— Да, — киваю я, и правда замолкаю. Интересно же.

Он выдерживает паузу. Смотрит в окно. Потом цедит сквозь зубы:

— В ночном клубе. Менеджером.

— Круто! — вырывается у меня, прежде чем я успеваю заткнуться. — Любишь ночную жизнь и клубы?

— Ненавижу.

— Тогда зачем работаешь там?

Он выгибает бровь. Смотрит так, будто я спросила, зачем он дышит.

— Хорошо платят.

Логично.

Мы сидим в тишине. Я пью свой латте с карамелью, он — свой горький черный. Телефон отложил, но смотрит в окно. На меня — ноль внимания.

Смотрю на экран телефона. Пять минут уже прошло. Ура.

— У тебя классная татуировка, — киваю на его руку с абстрактными линиями. То ли грозы, то ли ветки дерева. Фиг пойми. — Что она означает?

— Ничего.

— Просто так набил?

— Просто так.

Я вздыхаю. Разговор — как вырывание молочных зубов. Но почему-то меня это не бесит. Наоборот, заводит еще больше.

— Ладно, — говорю я, допивая кофе. — Спасибо, что составил компанию. Ты сдержал свое слово, я — тоже сдержу. Отстану.

Встаю, забираю пустые стаканчики, чтобы выбросить. Уже у двери оборачиваюсь.

— Пока? Приятно было поболтать. До следующего... столкновения. И качайся поменьше, пожалуйста. Без обид, но ударяться реально как-то больно.

Он снова пялится в телефон, но уголок его губ чуть дергается. Едва заметно. Я заметила.

Выхожу на улицу и глубоко вдыхаю теплый летний воздух.

Ну и тип. Ледяной. Непробиваемый. Грубый. Но внутри что-то трепещет. Потому что он согласился. Потому что он хотя бы ответил на пару моих вопросов.

Иду к метро и улыбаюсь как дура. Настроение — космос! О родителях думать не хочется. Сегодня я думаю только о себе.

Достаю телефон, набираю сообщение дяде Пете: «Он нашелся. Имя — красавчик. Но это пока. Кофе выпили. Грубиян еще тот. Спасибо за совет».

Ответ приходит через минуту: «Я ж говорил! Держись своего счастья. Грубияны часто самыми верными бывают».

Счастье?.. Громко сказано, конечно. Но что-то в этом есть.

Вечерний Питер шумит вокруг, а я лечу домой на крыльях. И плевать, что там ждет в квартире. Плевать, что, возможно, снова придется убирать осколки и слушать пьяные крики.

Потому что сегодня я пила кофе с парнем, у которого голос, от которого плаваются подошвы. И он хотя бы не послал меня сразу.

А значит, жизнь уже налаживается.

Глава 4

На следующий день я пришла к дяде Пете сразу после пар. В рюкзаке — недописанный конспект по истории театра, в голове — полный кавардак из воспоминаний о вчерашнем кофе, а в груди — дурацкое тепло, которое никак не хотело остывать.

— Петр Сергеич, я хочу есть! — закричала я с порога, плюхаясь на его продавленный диван в углу магазина. — У Вас есть что-нибудь вкусное?

Дядя Петя выглянул из-за стеллажа, где раскладывал какие-то древние книги. Очки съехали на нос, в руках — тряпка для пыли.

— Здрасьте, я ваша тетья, — проворчал он. — В холодильнике пирожки с капустой. Сама будешь разогревать или мне еще и обслугу изображать?

— Сама, сама! — я вскочила и через пару минут вернулась с тарелкой и чайником.

Дядя Петя уже сидел в своем кресле, сложив руки на животе, и смотрел на меня поверх очков с таким видом, будто я шла по минному полю, а он это видел, но предупреждать не спешил.

— Ну, — сказал он. — Рассказывай давай. А то вижу — распирает тебя.

Я откусила пирожок и, жуя, начала рассказ о вчерашнем:

— Я его встретила! Вчера! В центре, во дворе. Представляете, опять в него врезалась. Ну не специально, честно! Он такой стоит, а я — бац!

Дядя Петя кивнул.

— И что дальше?

— А дальше я его затащила в кофейню. Чисто случайно рядом оказалась. Ну, то есть не случайно, я шла, а он там был. Короче, уговорила.

— Уговорила? — уточнил дядя Петя. — Силой, что ли?

— Да нет, он просто спросил: если выпьет со мной кофе, я отстану? Я сказала, что да. Ну и... мы выпили.

Дядя Петя снял очки и начал их протирать. Это был плохой знак. Когда он был недоволен, он всегда их протирал.

— И как прошло?

— Странно, — призналась я, доедая пирожок. — Он почти не говорил. Сидел в телефоне, отвечал односложно. Я даже имя его не узнала нормально — пришлось хитрить. Написала на стаканчике «Красавчик», а он отказался из него пить.

Дядя Петя крикнул.

— А потом?

— А потом я его спросила, кем он работает. Он сказал — в ночном клубе менеджером. И добавил, что ненавидит клубы. Я спросила зачем тогда работает, а он сказал, что хорошо платят.

Дядя Петя водрузил очки обратно и посмотрел на меня долгим взглядом.

— Алина, — сказал он с паузой. — А ты не думаешь, что он просто не хочет ни с кем общаться? Ну, бывают такие люди. Им комфортно одним. Им не нужны знакомства, разговоры, кофе с незнакомыми девушками.

Я замерла с пирожком в руке.

— Думаете?

— Я не думаю, я предполагаю, — поправил он. — Ты же сама говоришь: сидел в телефоне, молчал, отвечал сквозь зубы. Это не стеснительность, дорогая. Это позиция.

— Но он согласился пойти со мной! — возразила я.

— Согласился, потому что ты достала его, — дядя Петя усмехнулся, но как-то грустно. — Он же прямо спросил: отстанешь, если выпьем? Значит, для него это был способ от тебя избавиться.

Я смотрела на остатки пирожка и пыталась переварить услышанное.

— Ну и что, — сказала я наконец. — Может, он просто не привык. Может, ему надо время.

— Алина, — голос дяди Пети стал мягче. — Ты слышишь себя? Ты оправдываешь человека, который даже имя свое тебе не сказал. Который сидел в телефоне, пока ты пыталась с ним поговорить. Который даже не поблагодарил за кофе.

— Он поблагодарил! — выпалила я. — То есть... ну, не словами, но он же пришел. Сел. Выпил. Это уже что-то.

Дядя Петя покачал головой.

— Эх, молодежь... Я старый человек. Я много чего в жизни повидал. И знаешь, что я заметил?

— Что?

— Некоторые люди путают хорошее отношение с возможностью завоевать кого-то. Чем хуже к ним относятся, тем больше им хочется доказать, что они достойны любви. Это как игра, в которой нельзя выиграть, но очень хочется продолжать.

Я молчала. В груди зашипало, но не от обиды — от того, что его слова попали куда-то глубоко и верно. Туда, куда я сама боялась заглядывать.

— Если мы еще раз пересечемся, — упрямо сказала я, глядя в пол, — я опять его заташу на свидание. Я знаю, что он где-то там ходит. Питер большой, но почему-то мы сталкиваемся снова и снова. Может, это знак?

— А может, просто совпадение, — мягко возразил дядя Петя. — Алина, послушай себя. Ты готова бегать за человеком, который даже не пытается сделать шаг навстречу. Тебе правда нравится, что к тебе так относятся?

Я подняла глаза. Он смотрел на меня с такой теплотой и тревогой, что у меня сжалось сердце.

— ...Я уже не знаю.

Дядя Петя вздохнул. Потом тяжело поднялся с кресла.

— Пойду чайник поставлю. А ты посиди, подумай.

Он ушел в подсобку, а я осталась одна.

За окнами уже темнело. Вечерний Питер зажигал огни — где-то там, за окнами, гуляли люди, спешили по делам, влюблялись, ссорились, мирились. А я сидела в старом книжном магазине и смотрела, как за стеклом медленно тает серый августовский вечер.

Рука сама потянулась к шее. Крестик с изумрудиками — мамин, старый, еще от бабушки — приятно охлаждал пальцы. Я теребила его, глядя в окно, и улыбалась.

Почему-то внутри было светло. Назло всему. Назло дяде Пете с его правильными словами. Назло здравому смыслу.

Колокольчик над дверью звякнул, и я оторвалась от пейзажа.

Амир стоял на пороге. Конечно. Кто же еще.

Он вошел с таким видом, будто это не книжная лавка на Садовой, а как минимум проход на красную дорожку. Пальто распахнуто, шарф небрежно намотан, волосы слегка влажные после питерского дождя. Красивый, зараза.

Я мысленно закатила глаза. Опять будет играть в заботливого друга и утешать меня.

Он уже заметил меня — куда он денется с его-то внимательностью — и направился прямо к моему дивану. Дядя Петя, сидевший в своем кресле с газетой, поднял на него взгляд поверх очков, хмыкнул и, кажется, даже не подумал отводить глаза. Я знала этот взгляд: дядя Петя не доверял Амиру. И, честно говоря, я его понимала.

— Алинчик, — растянул он губы в улыбке, и ямочки на щеках появились как по расписанию.

— Привет, Амир, — кивнула я, даже не пытаюсь изобразить радость. — Какими судьбами здесь? Заблудился по дороге в спортзал?

Он провел рукой по волосам — этот жест я знала наизусть, он делал его всегда, когда готовил очередную комплиментарную атаку.

— Соскучился, — сообщил он, усаживаясь рядом. Диван жалобно скрипнул. — По твоей улыбке.

Я фыркнула с полуулыбкой.

— Не сработало восемь лет назад, не сработает и сейчас.

Амир театрально вздохнул и положил руку на спинку дивана с моей стороны. Ну да, классика. Если бы я была другой, может, и повелась бы. Но я слишком хорошо его знала. И слишком хорошо помнила, чьим лучшим другом он был когда-то.

— Пойдем, поговорим, — он кивнул в сторону читательского уголка, подальше от дяди Пети.

Я покосилась на старика. Тот уже подкатил свое кресло поближе к проходу, откуда открывался отличный обзор на нас. Я подавила улыбку.

— Ладно, — вздохнула я и поднялась.

Мы перешли в угол, где стоял тот самый диван, который дядя Петя купил прошлой весной на какой-то распродаже. Амир сел, я — рядом, стараясь не прислоняться спиной.

— Расслабься, — усмехнулся Амир. — Ты как струна.

— Я расслаблена. Просто не люблю, когда меня загоняют в угол для серьезных разговоров. Это обычно ничем хорошим не заканчивается.

— Красивая и умная, — покачал головой Амир. — Смертельное сочетание.

— Амир, — предупредила я, и он поднял руки в примирительном жесте.

Какое-то время мы сидели молча. Я смотрела в окно, где серый вечер медленно опускался на крыши, а Амир смотрел на меня.

— Как ты? — спросил он наконец. Тихо. Серьезно. Без обычной игривости.

Я отвела глаза. Вопрос повис в воздухе. Как я? Хороший вопрос. Я и сама не знала.

— Нормально, — тихо ответила я, глядя в свои ладони.

— Алин... Ты была там. Ты сидела с ним в машине. Ты видела...

— Я знаю, — резко перебила я. — Я помню.

Амир замолчал. Я знала, что он не отстанет. Он всегда пытался. С того самого дня, как Глеба не стало, он почему-то чувствовал себя обязанным следить за мной. Как будто мог что-то исправить.

— Ты можешь поговорить со мной, — сказал он. — Я не лезу, но если захочешь...

— Не захочу. И не надо на меня так смотреть. Я правда в порядке. Лучше скажи, как ты сам?

Он вздохнул, поняв, что на этот раз я опять не поддамся. И правильно. Никто не узнает. Никогда.

Я слишком хорошо помнила тот вечер. Слишком хорошо помнила Глеба за рулем — уставшего, но улыбающегося. Мы ехали с его дня рождения, я держала в руках охапку пионов, которые он мне подарил «просто так», потому что знал, как я их люблю. А потом... Потом был удар. Скрип тормозов. Мои цветы, вылетевшие в разбитое окно, на мокрый асфальт.

Я не рассказывала этого никому. Врачи пытали меня вопросами, полиция пыталась, Амир пытал. Но я молчала. Потому что если бы я рассказала, как все было на самом деле, память о Глебе изменилась бы навсегда.

А я не могла этого допустить.

— Я скучаю по нему, — тихо сказал Амир, вырывая меня из воспоминаний. — Иногда захожу в универ и ловлю себя на мысли, что вот сейчас он выйдет из-за угла, затащит меня в столовку и скажет какую-нибудь херню.

Я невольно улыбнулась. Глеб обожал подкалывать Амира, а тот всегда делал вид, что бесится, хотя на самом деле ему нравилось.

— Помнишь, как он на тебя «лаял» в школе? — спросила я.

Амир рассмеялся.

— Боже, да. Он был единственным, кто мог меня заткнуть одним взглядом.

— Не только тебя, — усмехнулась я. — Помню, в девятом классе ко мне привязались какие-то девицы, сказали, что я уродина. Я чуть не разревелась тогда, а Глеб подошел и посмотрел на них. И они ушли. Никогда больше ко мне не лезли.

— Потому что они знали, что он за свою девушку, если что, в ответку впишется, — покачал головой Амир. — Его все боялись. И уважали.

Я кивнула, глядя в окно. За стеклом моросил дождь — типичный питерский, противный, вьедливый. Где-то там, за этими крышами, было то место, где разбилась машина Глеба. Я старалась не ходить туда.

— Твои родители как? — спросил Амир, и я внутренне сжалась.

Вот оно. Вопрос, которого я так боялась. Потому что правду я ему сказать не могла никак. Амир из богатой семьи, его отец — какой-то большой человек в администрации, мать — владелица сети салонов красоты. Если я расскажу им про пьянство отца, про то, как он срывается на мне, когда пьёт, про то, как мама выкидывает мои вещи в окно... Они раздуют скандал. Моего отца могут посадить. А я не хочу этого.

Я же сама во всём виновата.

— У них все хорошо, — ответила я, глядя прямо в глаза Амиру. — Работают, занимаются делами. Все нормально.

Он смотрел на меня пару секунд. Я выдержала его взгляд. Научилась уже врать не моргая.

— Ладно, — сказал он наконец. — Верю.

— А зря, — улыбнулась я, пытаюсь разрядить обстановку. — Я вообще-то секретный агент под прикрытием. Собираю компромат на богатеньких мажоров в книжных магазинах.

Амир засмеялся своим богатым смехом. Я тоже улыбнулась.

— Держи, — он полез во внутренний карман пальто и вытащил конверт. — Тут немного. Просто так. На книги или... ну, на что сама захочешь.

Я взяла конверт, не глядя сунула в рюкзак. Амир всегда давал деньги. С тех пор как Глеба не стало, он считал себя обязанным помогать мне. Я не спорила. Во-первых, бесполезно. Во-вторых, деньги и правда мне были нужны.

— Спасибо, Амир.

— Обращайся, — он встал, поправил пальто. — Я пойду, наверное. Вечером работа.

— В театре?

— Ага. Ненавижу это место, но платят хорошо.

Я усмехнулась. Где-то я уже слышала такое.

— Давай, — кивнула я. — Заходи ещё.

— Зайду, — пообещал Амир и, чмокнув меня в макушку, направился к выходу.

Колокольчик звякнул, и он исчез в вечерней мгле.

Я еще посидела немного, глядя на дождь. Потом встала и пошла к дяде Пете. Он сидел в кресле с таким видом, будто никуда не отлучался, но я знала — он все слышал.

— Ну что, — спросил он, — опять деньги давал?

— Ага.

— И что ты ему сказала про родителей?

Я промолчала.

Дядя Петя вздохнул.

— Алина, дорогая моя. Ты сама-то понимаешь, что с тобой происходит?

— Со мной все хорошо.

— Да не хорошо. Ты врешь всем вокруг и себе в первую очередь. Про родителей врешь. Про Глеба молчишь. А теперь еще и за этим... как его... красавчиком бегаешь, который тебя игнорирует. Ну посмотри ты на ситуацию здраво. Ты вцепилась в этого парня, потому что боишься оставаться одна со своей болью. А он, судя по всему, не горит желанием становиться твоим спасательным кругом.

— Я не вцепилась, — возразила я. — Просто... было интересно. Поиграть в назойливую даму.

Дядя Петя покачал головой, вздохнув.

— Ладно. Делай как знаешь. Но помни: за любовь бегать не надо. Любовь либо приходит сама, либо ее нет.

Я теребила крестик на шее и смотрела в окно. Только дождь. Только вечер. Только мое отражение в темном стекле, которое смотрело на меня и, кажется, совсем меня не знало.

Глава 5

— Думаете, я его ещё когда-нибудь увижу, Петр Сергеевич? — спрашиваю я, облакачиваясь на его стол и гипнотизируя взглядом чашку с остывшим чаем.

Прошло полторы недели. Полторы недели, как я коллекционирую в голове его интонации. Полторы недели, как приказываю себе забыть этого хамоватого типа с его отвратительными манерами и голосом, от которого у меня поджимаются пальцы на ногах.

— Кого? — дядя Петя даже не отрывается от своей газеты. «Вечерний Петербург», криминальная хроника — его любимое чтиво.

— Снежного человека, — говорю я бесцветным голосом. — Спросила, увижу ли я снежного человека.

— А, этого, с широкими плечами? — он хмыкает в усы. — Так он, говорят, в Ленинградской области водится. Под Гатчиной. Тебе туда.

— Забудьте, — я вздыхаю и откидываюсь на спинку скрипучего стула. — Кажется, я окончательно еду крышей.

— Алина, — дядя Петя складывает газету пополам и снимает очки. — Ты с неё съехала примерно в тот момент, когда решила, что парень, который даже имени своего не сказал тебе, — твоя судьба.

— Ура, на этой ноте я и ухожу, — хватаю со стола свою книгу «Психология абьюзивных отношений» — иронично, да?... и направляюсь к выходу.

— Я тоже вообще-то домой собираюсь! — кричит он мне вслед. — Старика подождать не хочешь?

Мы выходим вместе. Я жду, пока он запирает дверь — три оборота ключа, потом проверить ручку, потом ещё один оборот для надёжности, и мы расходимся в разные стороны. Дядя Петя — к метро «Садовая», я — пешком через дворы.

— Где твоя машина? — доносится его голос уже издалека.

— Я пешком! — машу рукой, не оборачиваясь.

— Я же просил так не делать!

— Пока-а-а! — кричу я и ускоряю шаг, представляя, как он качает головой и бормочет что-то про «современную молодёжь».

Просто сегодня утром я проснулась с диким желанием двигаться. Ноги гудели, кровь требовала разгона, и я решила: к чёрту машину. Прогуляюсь. Тем более, Питер в августе — это отдельный вид наркотика. Солнце, блики в каналах, туристы с мороженым и запах кофе из каждой подворотни.

В книжный я так не ходила пешком уже два года. С самой аварии. Только сегодня колено немного заныло. Напомнило о себе.

Дом встречает меня запахом. Знаете, есть такой специфический аромат у квартир, где пьют по-чёрному? Это не просто перегар. Это смесь дешёвого алкоголя, застоявшегося дыма и какой-то безнадёжности. Он въедается в обои, в шторы, в подушку.

Я захожу в гостиную, опустив голову. Краем глаза вижу на журнальном столике початую бутылку водки «Парламент» и гранёный стакан с остатками на дне. Зажимаю крепче книгу и мысленно рисую картинку: здесь стоит ваза с пионами, на журнальном столике — стопка свежих журналов «Караван историй», в кресле сидит отец с чашкой чая и смотрит новости по НТВ.

Не нужно было останавливаться. Не нужно было закрывать глаза. Но я замерла ровно на минуту, и этой минуты хватило.

Отец резко разворачивает меня к себе. Я даже вскрикнуть не успеваю — только вижу его лицо, искажённое злостью.

— Не надо, — выдавливаю я, пятясь назад. — Отпусти.

Я натыкаюсь на журнальный столик, и бутылка с глухим стуком падает на пол. Разбивается.

Страх — это когда сердце перестаёт биться и превращается в камень где-то в груди. Когда постоянно живешь с этим рваным ритмом внутри.

— Посмотри на меня. На меня я сказал!

Я поднимаю голову. Он смотрит на меня тяжелым взглядом, и в этом взгляде нет ничего, кроме глухой, беспросветной злости. Я замираю, боясь пошевелиться.

— Это ты отняла её у нас, — говорит папа. Тихо. Почти спокойно.

Я прикусываю губу так сильно, что чувствую вкус крови. Рыдание, рвущееся наружу, я давлю где-то в груди, и оно оседает там тяжёлым камнем.

— Я знаю.

Неужели он думает, что я сама не помню об этом каждую секунду?

— Ты была последним лицом, которое она видела. — Он смотрит сквозь меня. — И как ты живешь с этим?...

Темнота внутри меня разрастается. Каждое его слово — кирпичом по голове. Тьма уже заполнила лёгкие, желудок, сейчас ползет в горло.

— Поднимайся.

Он хватает меня за руку и тащит в коридор. Но мы проходим мимо моей комнаты. Мимо... Паника накрывает с головой, когда я понимаю, куда мы идём.

— Пожалуйста, пап, — шепчу я. Рыдаю. Молю. — Пожалуйста, не надо.

Он открывает дверь в дальнюю комнату, куда я не заходила два года. Комната моей сестры.

— Ты виновата, что её здесь нет, — его шёпот обжигает ухо перегаром.

— Пожалуйста, пап, выпусти меня. — Я бьюсь в его руках, как птица. — Пожалуйста!

— Думай о том, что ты наделала.

Он отступает к двери. Слышу щелчок замка.

Я вскакиваю, бросаюсь к двери. Дёргаю ручку. Раз. Два. Три. Заперто.

Чувство вины накрывает бетонной плитой. Я сползаю по двери на пол и вою. Вою, уткнувшись лицом в колени, пока голос не садится, а слёзы не кончатся.

Я сижу в комнате сестры. Впервые за два года.

Здесь всё так же, как в тот день. На стенах — её рисунки. Акварельные домики, котики, принцессы в розовых платьях. На полке — детские книжки с закладками. «Волшебник Изумрудного города», «Приключения Незнайки». На комодке — её любимая игрушка, плюшевый заяц с оторванным ухом, которого она ни за что не хотела выбрасывать. Я сама пришивала это ухо за неделю до того, как всё случилось.

Кристина. Моя маленькая сестренка. Ей было всего семь. Она собиралась пойти в школу, училась читать по слогам, каждое утро бежала ко мне в кровать, чтобы я рассказывала ей сказки перед садиком.

А я уничтожила это. Сама. Своими же руками.

Боже, почему Ты забрал её, а не меня? Я до сих пор жду ответа.

Утром меня будит звук возящегося в замке ключа.

Я вздрагиваю и сажусь. В комнате серо, вчерашний вечер кажется страшным сном, пока я не вижу, где нахожусь.

Дверь открывается. Мама. В рабочей форме, с пакетом продуктов.

Трезвая.

— Алина... — её глаза округляются. — Господи, милая!

Она бросает пакет на пол, падает на колени рядом со мной и прижимает к себе. Я рыдаю в её плечо, как маленькая. Она гладит меня по спине, шепчет что-то успокаивающее.

— Что случилось? — она отстраняется, убирает волосы с моего мокрого лица.

— Он запер меня здесь. На всю ночь.

— Что вы тут делаете? — раздаётся трезвый голос отца из коридора. — Мы же договорились не заходить сюда.

Я вжимаюсь в маму. Сердце снова колотится от страха.

— Саш, какого чёрта? — мама встаёт и идёт к двери. — Ты запер её здесь?!

Я смотрю на них. Отец переводит взгляд с неё на меня. В его глазах — пустота.

— Я не помню этого.

— Потому что был пьян, — говорю я. Тишина повисает в комнате.

Отец прищуривается.

— Алина, у тебя галлюцинации. Я этого не делал.

Я смотрю на него. Потом на маму. Она подходит ко мне, кладёт руку на плечо.

— Хорошо, — говорит она мягко. — Я думаю, уход Кристины сейчас просто тяжело на тебя влияет. Ты, наверное, сама вчера пришла сюда и уснула. Я тоже так делаю иногда. Это нормально. Скучать по ней.

Я встаю. Прохожу мимо них. Выхожу в коридор. Иду в свою комнату.

Папа не помнит. Мама оправдывает его. Никто не хочет признавать своей алкогольной деградации.

Под душем я рассматриваю себя в зеркало. Следы аварии до сих пор напоминают о себе — шрамы, которые уже стали частью меня. Врачи говорили, что я чудом выжила. Иногда я думаю, что зря.

Авария отобрала у меня любимого парня и подарила металл внутри. А через три месяца не стало моей крошечной копии. Кристины.

Я не помнила первые две недели после её ухода. А когда вспомнила — это был самый страшный день в моей жизни. Хуже, чем сегодня. Хуже, чем когда-либо.

Я надеваю лёгкое бордовое платье. Свитер брать не буду, хотя знаю, что у дяди Пети в магазине стабильные восемнадцать градусов. Он специально держит прохладу, чтобы книги сохранялись, а я мерзла и ныла об этом.

К дяде Пете я заявила только к обеду. Всю дорогу пинала камешки и думала. О том, что семья — это не место силы. О том, что я устала. И о том, что единственное место, где мне сейчас хорошо — этот дурацкий холодный книжный на Садовой.

— Явилась, — бурчит дядя Петя из-за газеты. — А я уж думал, ты решила сменить место дислокации.

— Я польщена, что Вы заметили моё отсутствие, — улыбаюсь ему, проходя внутрь.

Он откладывает газету и внимательно смотрит на меня поверх очков. Я знаю этот взгляд. Сейчас начнутся расспросы.

— Ты сегодня рассеянная какая-то, — замечает он.

— Я вообще необычная, Петр Сергеевич. — Я плюхаюсь в своё кресло. — Такая необычная, что, если хотите знать моё мнение, совершенно неисправимая.

Старик фыркает и снова утыкается в газету. Я мысленно даю себе пять — пронесло.

Достаю книгу, вставляю один наушник. Дядя Петя постоянно раздражается на меня за это, что нельзя читать и слушать музыку одновременно. Говорит, мозгов не хватит. Он просто не знает, что я — чемпионка по многозадачности.

Я читаю час. Потом мне становится скучно. Встаю, подхожу к его письменному столу.

— Вам что-нибудь нужно?

Дядя Петя отмахивается, даже не поднимая головы. Я сдерживаю желание показать ему язык. Вместо этого врубаю в наушниках Old Time Rock & Roll на полную и направляюсь вглубь магазина.

Здесь, в дальнем конце, между стеллажами с философией и психологией, есть небольшое свободное пространство. Идеально для танцев. А я, между прочим, обожаю придумывать движения.

Платье совсем не мешает. Наоборот. Я закрываю глаза и даю волю телу. Пусть колено ноет, пусть мышцы скованы.

Начинаю кружиться на месте, останавливаюсь, трясую головой. В ход идут пластичные движения и покачивания бедрами. Начинаю опять кружиться, чуть не теряя равновесие от такого мощного вращения на уставшую голову. Врезаюсь плечом в стеллаж. Проклинаю его от всей души сквозь зубы. И когда открываю глаза...

Он стоит в конце ряда. Тот самый парень, что запал мне в голову.

Его тёмные глаза смотрят прямо на меня.

Я замираю. Наушник выпадает из уха, музыка стихает. Надеюсь, он не видел этот мой коронный номер прямиком из дурки. Хотя, судя по выражению его лица — видел. Всё видел.

Щёки заливаются краской. Я смотрю на свои кеды, потом снова на него. Мне кажется, это галлюцинация. Но нет. Он стоит здесь, высокий, нереально красивый, в своей чёрной куртке, и смотрит на меня. Взгляд скользит по платью, останавливается на моей ноге. Я машинально прячу покалеченную ногу за здоровую, принимая довольно странную позу. Будто в туалет резко приспичило.

— Привет, — выдыхаю я.

Его глаза тут же встречаются с моими. И в этом взгляде — всё та же ледяная бездна. Каждый раз, когда он смотрит на меня, мне кажется, он читает все мои секреты.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я, готовясь к тому, что он сейчас развернётся и уйдёт. Но нет. Стоит.

— Что у тебя на руке? — его низкий голос заставляет сердце пропустить удар.

— На руке? — тупо переспрашиваю я. На руке у меня чистая кожа, мечты о питерском солнце и, возможно, остатки шоколадки, что я съела сегодня утром.

Он хватается за предплечье. От его прикосновения по коже бегут сумасшедшие мурашки. Я почти задыхаюсь. Почему я так реагирую? У меня что, разгон подростковых гормонов в двадцать два года?

Он слегка приподнимает мою руку и рассматривает синяк чуть выше локтя. Там, где вчера меня держал отец, пока тащил в комнату сестры. Дневной свет из окна подсвечивает его безжалостно.

— Ударилась, — говорю я легко.

Он отпускает мою руку и смотрит на меня сверху вниз.

— Занимаясь чем?

— Сексом, — выпаливает мой рот, прежде чем мозг успевает его остановить.

Господи. Я девственница. Да, до этого я только целовалась и ходила за ручку с Глебом. Я вообще не знаю, что такое... секс. Откуда это вообще взялось в моей голове?

Одна его бровь медленно ползёт вверх. Взгляд опускается на мою ключицу. Мне хочется провалиться сквозь пол этого книжного прямо в метро.

— Сексом, — повторяет он, и от того, как он произносит это слово, у меня внутри всё переворачивается. — А почему тогда синяк на руке, а не... — он делает паузу. — В другом месте?

Я открываю рот. Закрываю. Снова открываю. Я — человек, который никогда не теряет дар речи, — стою и хлопаю глазами, как выброшенная на берег рыба.

— Что ты здесь делаешь? — наконец выдавливаю я, меняя тему с катастрофической скоростью.

— Мне нужна книга, — он прислоняется к стеллажу.

— Какая книга?

Он молчит. Просто смотрит. Я начинаю нервно тереть подол платья. Он замечает это движение, и его взгляд снова прожигает меня.

— Как ты меня нашёл?

— Я не искал.

— Тогда как?

— Твоя заставка на телефоне, — кивает он на мою руку. — В прошлый раз, когда ты тыкала мне в лицо этим стаканчиком, я увидел твой экран с этим книжным. Решил зайти, когда понадобилось.

Я смотрю на него и чувствую, как внутри что-то теплеет. Неужели он запомнил? Специально? Или просто мимо проходил? Чёрт его разбери.

— Хорошо. — Я разворачиваюсь и иду вдоль стеллажей. — Какую книгу Вы хотели бы, уважаемый читатель?

Он идёт за мной. Молчит. Я останавливаюсь, оборачиваюсь.

— Вы вообще понимаете, что для того, чтобы получить книгу, нужно хотя бы сказать, какая Вам нужна? Или Вы надеетесь, что она сама в руки прыгнет?

— Ты всегда так много болтаешь? — цедит он.

— Только когда нервничаю. А Вы действуете мне на нервы.

Я отворачиваюсь и начинаю шарить взглядом по полкам. Научпоп, психология, мотивационная литература. Что ему может быть нужно? «Как перестать быть мудаком за 30 дней»? Есть такая?

— О, я знаю для Вас идеальную книгу, — я снимаю с полки тонкую брошюру и протягиваю ему. — «Как быть хорошим человеком. Для чайников».

Его глаза ядовито сужаются.

— Думаешь, ты смешная?

— Да. А ты слишком серьёзный. Тебе бы расслабиться.

Я ставлю брошюру на место и иду дальше. Чувствую его присутствие за спиной. Он идёт следом, и от этого у меня перехватывает дыхание.

Мы доходим до раздела с биографиями. Я останавливаюсь, делаю вид, что изучаю корешки. На самом деле я пытаюсь унять сердцебиение.

Его запах окутывает меня раньше, чем я понимаю, что он подошёл вплотную. Никакого резкого парфюма. Просто его собственный запах. Чистота, кожа, табак и что-то тёплое, почти сладкое.

Я замираю. Его рука ложится на полку прямо рядом с моим плечом. Я чувствую тепло его тела, даже не касаясь его.

— Знаешь, — говорит он низко, почти в самое мое ухо, — думаю, ты врешь.

— Вру? — мой голос срывается на писк. Позор.

— Про синяк. — Его пальцы касаются моего локтя. — Какому парню хватит терпения остаться с тобой надолго, чтобы успеть тебя... — он делает паузу, и я чувствую, как горят мои щёки, — трахнуть. С твоим-то языком без костей.

Я резко поворачиваюсь к нему. Мы стоим так близко, что я вижу свое отражение в его зрачках. Чёрных, глубоких, бесконечных.

— Жесть, — говорю я, стараясь, чтобы голос больше не пищал, — ты такой грубый.

Он кривит губы в усмешке и отстраняется. Идёт дальше по ряду. А я стою, приросшая к полу, и пытаюсь отдышаться.

— Но не всегда, — говорю я ему в спину. — Я знаю, в тебе есть доброта, Красавчик. Ты просто её прячешь.

Он оборачивается. Взгляд — убийственный. Если бы взглядом можно было убивать, я бы уже лежала на полу среди книг по психологии.

— Ты ни черта не знаешь.

— О, я тогда узнаю, — улыбаюсь я. — Узнаю обязательно!

Я подхожу к нему, обхожу кругом, рассматривая. И снова утыкаюсь взглядом в его спину. Широкие плечи, напряжённые мышцы шеи. Мне безумно хочется до них дотронуться. Просто провести пальцами.

Я отворачиваюсь и делаю вид, что ищу книгу. Нахожу потрёпанный томик «Искусство папье-маше». Идиотизм. С ним наперевес я поворачиваюсь, чтобы показать ему.

И врезаюсь лицом в его грудь.

Он стоит прямо за мной. Моё лицо на уровне его ключиц. Я смотрю на татуировку, выглядывающую из-под ворота его футболки, и забываю, как дышать.

Его рука ложится на полку с другой стороны от меня. Я в ловушке. Между ним и стеллажом. Книга с папье-маше зажата в моих руках, как щит.

— Что ты делаешь? — шепчу я, не в силах поднять глаза.

— Хочу кое-что проверить, — его голос звучит где-то надо мной.

Он берёт книгу из моих рук и кладёт на полку. Я сглатываю. Смотрю на его руки. Татуированные, сильные. Пальцы, которые могли бы...

Он проводит кончиками пальцев по моей руке, от локтя до запястья. Очень медленно. Очень легко. Мурашки бегут табуном.

— Ты дрожишь, — замечает он.

— Холодно, — выдыхаю я.

— Врёшь.

— Нет. Здесь вообще-то всего восемнадцать градусов. Такая температура очень комфортная для... книг. И я...

— Замолчи.

Он поднимает моё лицо за подбородок. Смотрит в глаза. Долго. Так долго, что я начинаю тонуть в этой черноте.

— Не надо, — почему-то шепчу я.

— Думаешь, я тебя поцелую?

Он наклоняется. Медленно. Медленнее, чем можно выдержать. Я закрываю глаза.

— Я не целуюсь с теми, кого не выношу, — слышу я его голос прямо у своих губ.

Открываю глаза. Он стоит вплотную, но не касается. Смотрит с лёгкой усмешкой.

— Ты меня даже не знаешь, чтобы делать такие выводы, — выдыхаю я. — Я Алина, кстати. И узнав меня поближе, ты поймешь, что «не выносить» меня просто невозможно. Я душка по природе. А тебя, кстати, как зовут? Это уже смешно не знать имен друг друга.

Он молчит. Разглядывает моё лицо. Я не отвожу взгляда.

— Алексей, — говорит он наконец.

Алексей. Имя, которое ему безусловно идёт. Твёрдое, мужское, с холодной ноткой.

— Очень приятно, Алексей. — Я протягиваю руку, как для рукопожатия. — Будем знакомы.

Он смотрит на мою руку, потом на меня.

— Ты всегда такая?

— Какая?

— Наглая в край.

Я опускаю руку с неизменной улыбкой.

— Только когда мне что-то очень нужно.

— И что тебе нужно конкретно от меня?

— Пока не знаю, — честно отвечаю я. — Но с тобой интересно.

Он усмехается. Настоящей усмешкой, которая меняет всё его лицо. Делает его почти мальчишеским.

— Ну и бред.

— Тебе же тоже со мной интересно. Не отрицай это.

Он кривится.

— Нет.

— Тогда зачем ты пришёл?

Он молчит. Отстраняется, подходит к полке и снимает с неё тонкую книгу в чёрной обложке.

— За этим, — говорит он, показывая мне. «Анна Каренина».

— Читаешь Толстого на досуге?

— Не люблю читать. Это для работы.

— И как тебе понадобится «Анна Каренина» в ночном клубе?

— Там готовят вечеринку по мотивам. Нужно знать контекст.

Я смотрю на него и чувствую небольшую досаду. Он правда здесь только из-за книги?

— Спасибо, — неожиданно говорит он.

— За что?

— За книгу, конечно.

— Обращайся. — Я улыбаюсь. — Всегда готова помочь красивым парням.

— Красивым? — он выгибает бровь.

— Ага. И не говори, что не считаешь себя красивым. Я не поверю.

Он качает головой, но в его глазах — усмешка.

— Я ухожу.

— Надеюсь, скоро увидимся? Теперь ты знаешь где меня найти.

Он идёт к выходу. Я смотрю ему вслед. Красивая походка. Уверенная. Хищная. Мой внутренний голос кричит: «Дура, он же ледышка!» Но внутренний голос пусть идёт лесом. Потому что лед это замерзшая вода. А любую воду можно разморозить теплом.

В дверях он замирает. Оборачивается.

— Твой телефон.

— Что?

— Дай свой телефон.

Я подбегаю к нему и протягиваю свой разблокированный айфон. Он быстро что-то набирает. Экран загорается новым контактом в записной книжке: «Алексей».

— Не пиши мне. Я сам напишу, когда время будет, — говорит он. И выходит.

Я смотрю на экран. Потом на дверь. Потом снова на экран.

— Алина, — доносится голос дяди Пети из его кресла, — ты чего там застыла? Опять в облаках витаешь?

Я подхожу к нему на ватных ногах, сажусь на подлокотник и показываю телефон в ступоре.

— Это был он. Пришёл сам. Спросил мой номер.

Дядя Петя снимает очки и близоруко щурится на экран.

— Ну надо же, — говорит он. — Вот это поворот событий.

Я улыбаюсь и смотрю в окно. За ним вечер, моросящий дождь и бесконечные крыши. А у меня в груди — щенячий восторг и предчувствие чего-то большого.

— Алексей, — шепчу я. — Будешь моим, Алексей. Я растоплю твой лед. До последней льдинки.

Глава 6

Питер в августе — это наркотик. Особенно если ты родилась здесь и впитала его сырость с молоком матери. Я люблю гулять по городу. Всегда любила. С детства могла бродить часами, задрав голову, разглядывая карнизы, лепнину, балкончики с чугунными решетками.

Но после аварии всё изменилось.

Правая нога напоминает о себе каждые полчаса. Врачи говорили: гулять можно, но с умом. Километр, может, два. Потом начинается боль, и ты вспоминаешь, что после аварии твоё тело уже не то, что раньше.

Сегодня я переоценила свои силы. Сознательно. Потому что иногда хочется плюнуть на запреты и просто дышать городом, даже если потом придётся расплачиваться.

Забрела на Петроградскую сторону, разглядывая доходные дома. Эти здания с эркерами, башенками и майоликовыми вставками — моя слабость. Я могу стоять перед ними вечно, представляя, кто жил тут сто лет назад, какие тайны хранят эти стены.

Останавливаюсь у дома с совой на фасаде. Сова смотрит на меня круглыми глазами, и я улыбаюсь ей, как старой знакомой.

— Привет, — шепчу. — Я тоже не высыпаюсь.

Достаю телефон. 22:15.

Черт.

Домой ехать минимум сорок минут. А если добираться на общественном транспорте с моей ногой — все пятьдесят пять. Родители уже точно на взводе. Я знаю этот сценарий: чем дольше меня нет, тем тяжелее будет возвращаться домой.

Мысленно прокручиваю ситуацию. К тому моменту, как я доберусь до дома, все алкомаркеты в нашем районе будут закрыты. Один магазинчик работает до одиннадцати, но мне ещё до него топать. А отец ждёт свою бутылку. Если приду домой с пустыми руками...

Лучше не думать об этом. Но думать приходится.

Оглядываюсь. Петроградка — место дорогое, но алкомаркеты есть везде. Замечаю вывеску «Винный погребок» через дорогу.

Хромая, перехожу улицу.

Внутри пахнет деревом и дорогим алкоголем. Бутылки стоят ровными рядами, ценники кусаются. Я подхожу к прилавку, за которым скучает девушка в идеально белой блузке.

— Добрый вечер, мне бы... — начинаю я, но она перебивает профессиональной улыбкой.

— Паспорт покажите.

Я замираю.

— Простите?

— Паспорт, пожалуйста. Без него не могу продать.

Я лезу в карман джинсовой юбки, прекрасно зная, что там пусто.

— Блин. Кажется, оставила его дома. Честно, мне двадцать два, просто я забыла...

Девушка качает головой, но в её взгляде появляется что-то похожее на сочувствие.

— Понимаю Вас, но у нас правила. Штрафы огромные, сами понимаете.

Я стою, чувствуя, как к глазам подступают слёзы. Не от обиды — от отчаяния. Но я же мудрая, да? Я же сильная. Просто день не задался.

— Эй, — раздается сбоку.

Поворачиваюсь. У стеллажа с недорогим виски стоит мужик лет сорока, в потертой джинсовке и с усталым, но добрым лицом. Типичный питерский работяга.

— Чего, паспорт забыла?

— Ага.

Он усмехается в усы.

— Бывает. Тут на Петроградке с этим строго. Но я знаю одно место.
Я настораживаюсь.

— Какое?

Он подходит ближе, понижает голос:

— Бар есть тут недалеко, на Гатчинской улице. «Раскольников» называется. Там бармен нормальный мужик, если попросишь по-человечески — войдёт в положение. Только не светись особо. Скажешь, от Виктора. Он поймёт.

Я смотрю на него с сомнением.

— А Вы чего туда не ходите?

— А мне и тут хорошо, — он подмигивает и берёт с полки бутылку. — А тебе, красавица, советую поторопиться. Через час там народу будет — яблоку негде упасть.

Я киваю, бормочу «спасибо» и вылетаю из магазина.

Гатчинская улица. Бар «Раскольников». Интересное название. А главное — какой мотив так называть бар?

Нога ноет, пока я плетусь по вечернему городу. Тупая боль пульсирует в колене, напоминая, что гулять без оглядки на последствия я больше никогда не смогу. Глупая, наивная я. Думала, прогулка вылечит душу? А вылечивать придётся ногу от таких гуляний.

Нахожу этот бар минут через пятнадцать. Вывеска неоновая, тусклая, «Раскольников» горит красным. Вход тёмный, изнутри доносится гул голосов и музыка.

Открываю дверь — в уши бьёт басами. Народу полно, танцпол мельтешит в полумраке, кто-то уже в хлам. Чувствую себя героиней фильма, которая зашла не в тот кадр.

Протискиваюсь к барной стойке. В голове пусто, паспорта нет, выгляжу я лет на семнадцать. Просто отлично.

— Принимаем заказы! — кричит бармен, мелькая передо мной.

Светлые волосы падают на глаза, руки двигаются с бешеной скоростью, но он успевает мне улыбнуться.

— Молчишь, красавица, что будешь?

Сердце колотится сильно-сильно.

— Водку, — говорю я максимально уверенно.

Бармен приподнимает бровь.

— Крепковато для такой малышки.

— Не крепковато, — стараюсь, чтобы голос звучал твёрдо. — Я вообще-то взрослая малышка уже.

Он усмехается, продолжая смешивать коктейли.

— Паспорт есть?

— На работе в сейфе остался.

Он фыркает.

— Оригинально. А на вид тебе сколько?

— Сколько?

— Ну, дай угадаю... Восемнадцать с хвостиком?

— Мне тридцать один, — говорю я с каменным лицом.

Он залиvisto смеётся, запрокидывая голову.

— Ладно, уговорила. Только если тебя накроют — ты меня не видела, договорились?

— Договорились.

Он ловко наливает мутноватую жидкость в стакан, протягивает мне.

— Держи.

Я лезу в карман за тысячной купюрой, параллельно спрашивая:

— А можно мне всю бутылку?

— Чего?

— Ну, всю бутылку.

Бармен замирает на секунду, потом снова смеётся.

— Серьёзно?

— А что такого?

— Да ничего, просто впервые вижу, чтоб алкоголь навynos просили, — он роется под стойкой. — Держи.

— Спасибо, — я сую ему тысячу, забираю бутылку.

И в этот момент сзади раздаётся голос, от которого у меня внутри всё переворачивается.

— Какого чёрта тут происходит?

Замираю от знакомого голоса. Медленно поворачиваюсь.

Алексей.

Стоит, сложив руки на груди, прислонившись плечом к колонне. Чёрная футболка, тёмные джинсы, этот его вечный взгляд исподлобья. Он смотрит на бутылку в моих руках, потом на меня.

— Привет, — выдыхаю я.

Он молча подходит, забирает у меня бутылку, открывает крышку и выливает содержимое в раковину за барной стойкой. Я смотрю на это с ужасом.

— Ты совсем больной? Я заплатила за нее!

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает он спокойно, но в голосе — презрение.

— Покупаю себе выпить.

— Водку. Которую тебе, судя по лицу, даже нюхать рано.

Бармен переводит взгляд с меня на него и обратно.

— Леш, это твоя знакомая?

— Работай, — бросает он, даже не глядя в его сторону.

Бармен пожимает плечами и отходит к другим посетителям.

Я смотрю на Лешу снизу вверх.

— Мне можно. Мне двадцать два.

— Выглядишь на пятнадцать.

— Спасибо.

— Это не комплимент.

— Тогда почему он мне нравится?

Он медленно наклоняется ко мне, опираясь руками о стойку.

— Кто знает, какая хрень тебе может нравиться?

— Фу. Некрасиво.

— Как ты вообще сюда попала?

— Виктор посоветовал.

— Кто?

— Мужик из винного магазина. Сказал, тут понимающие люди работают. Продадут без паспорта.

Леша кривит губы.

— С кем ты общаешься. Хотя чему я удивляюсь?

— Ну и что? Я же купила.

— Купила она, — он качает головой. — Сейчас поедешь домой. Без этого.

— Мне нельзя без этого, — вырывается у меня.

Он смотрит внимательнее. Взгляд темнеет.

— Это ещё почему?

Я открываю рот, чтобы ответить, но сзади раздаётся пьяный голос:

— Девушка, а девушка, угостите сигареткой?

Чья-то рука ложится мне на плечо. Я вздрагиваю.

Леша молниеносно выпрямляется, его рука перехватывает чужое запястье.

— Руки чешутся — иди к шлюхам, — цедит он сквозь зубы.

У мужика глаза становятся по пять копеек. Думаю, у меня тоже.

Мужик отшатывается, натывается на его взгляд и быстро исчезает в толпе.

— ...А ты здесь работаешь? — спрашиваю я, когда он поворачивается ко мне.

— Работаю.

Бармен вставляет вскользь:

— Он владелец.

Я стараюсь не округлять глаза. Блин, какой же он крутой...

— Классное место. — я оглядываюсь, делая комплимент заведению, но он никак не реагирует на это. Стараюсь больше: — Красивое название для бара. «Раскольников». Как в книжке?

— Не читаю книжек, — бросает Леша.

— Зря. Так почему такое название?

— Не я выбирал.

— А ты говорил, что ты менеджер в ночном клубе. Получается, это и бар, и клуб в одном флаконе?

Он раздражённо смотрит на меня.

— Много болтаешь, как обычно.

— Только когда нервничаю.

— И часто ты нервничаешь?

— Последние две недели — постоянно.

В его глазах мелькает что-то похожее на усмешку.

Я кусаю щёку изнутри. Он не понимает. Никогда не поймет.

— Мне всё ещё нужна водка, — твёрдо говорю я.

Решаю не скрещивать руки на груди, чтобы не выглядеть по-дурачки.

— Не получишь.

— Я перелезу через барную стойку и сама возьму, если не дашь, — предупреждаю я.

На его лице появляется подобие усмешки. Он наклоняется ко мне, и я чуть не падаю в обморок, но держусь.

— Попробуй.

Я просто кладу голову на руки и прячу от него лицо, пытаюсь придумать адекватный план.

Лёгкий толчок в спину привлекает моё внимание. Поднимаю голову, оборачиваюсь, чтобы посмотреть, кто это, и тут же получаю локтем в лицо от какого-то огромного мужика, который вписался в драку с другим.

Моя голова откидывается назад с такой силой, что я могла бы запросто получить сотрясение мозга. Боль взрывается в переносице. Я вскрикиваю, хватаюсь за нос. Руки мгновенно становятся влажными от крови.

— Твою ж... — слышу я над собой.

Господи, как же больно, мать его! Беру все хорошие слова об этом месте обратно.

Большие руки хватают меня под мышки и стаскивают вниз. Чувствую, как задница скользит по стойке, и вот я уже по другую сторону.

Ну и силища у него.

Вкус крови во рту. Морщусь. Нос и верхняя губа онемели. Пока не чувствую губ, но к утру я точно все прочувствую.

К сожалению, я даже не чувствую одеколону Леша из-за крови, забившей нос. Вот облом.

Он поворачивает меня к себе. Я быстро моргаю, стараясь не разреветься. Мысли путаются. Он реально добрый или мне кажется?

— Черт, она там как? — доносится взволнованный голос бармена.

— Нормально, — бросает Леша. — Позови охрану. Пусть вышвыривают этих нахрен отсюда!

Леша стоит между моих ног. Хорошо, что я закрыла лицо салфетками, потому что я краснею, как рак.

— Вот что бывает, когда не даёшь мне водку. — щурюсь я, чуть отодвигая салфетку от лица.

Он закатывает свои тёмные глаза, берёт мою руку и снова прижимает к носу. Снимает меня со стойки. Я смотрю вниз, на все эти бутылки. Вижу водку. Тянусь. Хватаю первую попавшуюся.

Не успеваю сунуть её под куртку и сделать ноги, как Леша прижимается ко мне со спины. Его руки обхватывают меня и грубо забирают бутылку.

— Я же сказал нет, — тихо говорит он сверху.

Ставит бутылку на стойку и тащит меня в подсобку, подальше от чужих глаз.

Мы проходим мимо ящиков с бутылками, заходим в туалет для персонала. Щелчок замка.

— Садись, — кивает на раковину.

Я забираюсь на холодный кафель. Леша протягивает мне пачку салфеток, сам прислоняется к стене, скрестив руки.

Я прижимаю очередную салфетку к носу. Боль пульсирует, в глазах темнеет.

— Дыши ровно, — говорит он. — Голову назад не запрокидывай. Намочи салфетку холодной водой.

— Знаю я. Не первый раз кровь из носа.

Боль накачивает. Вздыхаю. Включаю холодную воду, убираю волосы, чтобы не намочить. Я и так побитая, не хватало ещё мокрой собакой выглядеть.

Он просто стоит молча и смотрит. Ну и помощь.

— И часто тебе прилетает? — спрашивает он.

Я поднимаю глаза.

— Что?

— Часто ты в такие переделки попадаешь?

Я отворачиваюсь к зеркалу. Отражение ужасное: распухающий нос, испуганные глаза.

— Это случайность.

— Я не про это.

Я замолкаю. В груди неприятно сжимается что-то.

— Напомни, как тебя зовут? — вдруг спрашивает он.

Я резко поворачиваюсь.

— Ты сейчас серьёзно? Мы уже столько раз виделись, ты мой номер записывал, и ты не помнишь моё имя?

— Специально не запоминал, — пожимает плечами. — Думал, больше не встретимся.

— Мы обменялись контактами!

— У меня телефон новый. Старый гости бара разбили в угаре.

Я выдыхаю. Ну ладно, это похоже на правду. Или нет.

— Алина, — говорю я. — Алина Рябинина. Запомни уже, пожалуйста. А то неудобно как-то: врезаюсь в тебя регулярно, а ты даже имени не можешь запомнить.

— Алина, — повторяет он, и от того, как это звучит в его исполнении, у меня мурашки по коже. — Запомнил.

Вздыхаю и откидываюсь обратно на раковину.

Потрясающий запах Леша заполняет ноздри, но сейчас это как-то не помогает. Я плююсь на его татуированную руку, больше никуда не смотрю.

Вблизи его татухи просто офигенные. Вся рука, насколько видно, забита чернилами. Прямо под низом рукава футболки — мрачные, жуткие знаки. Типа буддистский символизм,

наверное. Тёмные и зловещие рисунки. Мурашки по коже. Фон весь в тенях, которые подчёркивают знаки. Блин. Татуировщику надо медаль дать.

Дым идёт от одного знака и обвивает все остальные татуировки на руке. Дерево тянется вверх, мёртвые ветви расползаются по руке, и по спине, наверное, хотя я не вижу, но хотелось бы. Корни уходят в запястье, и ни травинки, ни кустика. Всё мёртвое. На фоне дерева какие-то слова покрывают остальную кожу. Кроме какого-то символа рядом с деревом.

Пытаюсь прочесть дату и слова, что там написаны, но его рука двигается за мою спину. Это возвращает меня в реальность.

Его руки по обе стороны от меня, сердце неистово ускоряется.

— Скажи, зачем оно тебе, — низко говорит он, стоя так близко. — Ты же не пьешь.

Я сглатываю. Почему именно сейчас мозг отключился? В любой другой момент я бы хоть что-то придумала.

— ...Хочу сбежать от всего, — шепчу я.

Я никогда не стану такой, как мои родители. Ни за что не притронусь к алкоголю, после того, что видела. Я, конечно, хочу сбежать от них. Хочу сбежать от вечного напоминания о том, что я виновата в смерти Глеба. Но я бы никогда не стала делать это с помощью алкоголя.

— Хочу забыться, — добавляю я, не вдаваясь в подробности. — Поэтому и покупаю иногда.

Смотрю на него — он уставился в пол. Всего на пару секунд, потом снова смотрит на меня. Его тёмные глаза будоражат бабочек в животе ещё сильнее.

— Тебе не надо пить эту дрянь, — бурчит он, сдвинув брови. — Она не помогает забыться. Только хуже потом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.